

Шедяков
Владимир Евгеньевич

Мифы межпарадигмального перехода

УДК 32.01:323.1
DOI <https://doi.org/10.24195/2414-9616-2020.1.06>

Шедяков Владимир Евгеньевич
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Актуальность темы статьи определяется как благотворностью особенностей переходного периода общественного развития для распространения мифов, так и весомым значением мифов для определения последующей траектории жизни страны. Предмет исследования – природа, характеристики и возможности воздействия мифа на переходное состояние общества. Цель статьи – выявление и характеристика черт мифа, свойственных переходному состоянию общества применительно к отличиям нашего времени и возможностям оптимизации организационно-управленческого арсенала. Методология проведения работы базируется на общей теории общественного развития применительно к исследованию переходных эпох, а также изучении особенностей мифа как основы регулятивных воздействий. Информационную базу исследования составляют нормативные акты, отечественные и зарубежные публикации, исследования по вопросам развития самоорганизации, инструментари сознательного воздействия на социально-политические процессы. Результаты работы: проведен анализ подходов и возможностей / ограничений использования инструментария мифа для воздействия на социально-политические процессы. Предложены пути повышения его продуктивности. Так, миф – средство формирования отношения, а потому выступает фактором восприятия окружающей среды и воздействия извне: на человека, группу / слой, общество. Вместе с тем переходный межпарадигмальный период сталкивает не только стратегии прошлого и будущего, но и варианты возможных перспектив. Сейчас половодье мифов объективно нарастает как из-за «текущей реальности» новой эпохи, так и из-за сжатости сроков бурных перемен. В борьбе перспектив и орбит дальнейшего развития событий существенной становится субъектность перемен: кто и в чьих интересах их осуществляет. Соответственно, какие-то из мифов становятся доминантными, государственно одобряемыми, какие-то – подавленными. Между тем характер формирующейся эпохи делает важнейшим фактором международной и внутренней жизни осознанную активность. Таким образом усиливается противоречие между манипулируемостью и сознательным выбором, лёгкостью в управляемости и качеством мышления. Резкое расширение поля рисков и возможностей с парадигмальными трансформациями увеличивает требования как к менеджерам, так и к народному контролю за ними. Максимизация просоциальной творческой активности включает отнюдь не только сферы. Результаты работы позволяют использовать материал статьи как в образовательном процессе, так и на практике.

Ключевые слова: общество, трансформация, развитие, общественная парадигма, переходный период, миф, управление, информационное воздействие.

Ещё погружённый в старые представления, но уже лишённый стабилизирующих основ ... жизни, десоциализированный, одинокий, смятённый, человек мог понять себя лишь как величину сакральную и, чтобы обрести равновесие, перемещал себя из обыденного в сакральный мир.

М.Б. Плюханова

Введение. Всегда жизнь преподносит сочетания рационализма и иррационализма. Всегда есть основания для осмысления в русле гностицизма и агностицизма – в разной мере при разнообразных образах смысла и моделях культуры, различном жизненном пути [5; 9; 14; 16]. Во времена форсированных трансформаций человек и общество взыскуют откровений. Одновременно переходный период дарит возможность – и риск – открытий. Удержать баланс вечных истин и востребованных логикой истории подходов в меняющейся среде тем сложнее, чем глубже и стремительней встряска, дробней и непостоянней социальные, технические и природные условия.

Определение цели. Качественная футуродиагностика и социально-политическое программирование предполагает опору на знание природы, характеристики и возможности воздействия мифа на переходное состояние социокультурной ткани. Соответственно, смена эпох обостряет борьбу за мифы. И это отнюдь не только «покушение на миражи». Зачастую приходится расплачиваться и людям-символам. Вместе с тем усиление тенденций к формированию общества знаний накладывает свои акценты на средства и возможности познания, его политическое значение. Поэтому **цель** статьи – выявление и характеристика черт мифа, свойственных переходному состоянию общества применительно к отличиям нашего вре-

мени и возможностям оптимизации организационно-управленческого арсенала.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются, прежде всего, разработки А.И. Аверьянова, К. Армстронга, А.С. Ахиезера, С.С. Батенина, М.М. Бахтина, У. Бека, Ю.М. Бородая, Ф. Броделя, А.В. Бузгалина, В.Ф. Бурлачука, И. Валлерстайна, В.С. Выгодского, Э. Гидденса, В.И. Дрожжинова, В. Зомбарта, А.Н. Ермоленко, П.С. Ещенко, В.А. Звиглянича, А.А. Зиновьева, С.Г. Кара-Мурзы, В.В. Кизимы, А.И. Колганова, Т. Куна, Дж. Курта, Д.С. Лигачёва, М.С. Лангштейна, А.Я. Левина, В.А. Лекторского, С.Н. Мареева, К. Маркса, Б.В. Межуева, М.П. Мчедлова, А.В. Павлова, В.И. Панибратова, В. Парето, С.П. Первушина, Ю.К. Плетникова, Е.Г. Плимака, Н.Л. Поляковой, Я.А. Пономарёва, К.Ю. Райды, Е.Я. Режабека, Г. Рейнгольда, В.Н. Сагатовского, Т. Сакайи, Л.Н. Сергеевой, Ж.Э. Сореля, Ю.А. Тихомирова, В.И. Толстых, Дж. Урри, Й. Хейзинги, В.П. Фофанова, Э. Фромма, Ж. Эллюля, А. Этциони, а также изучение природы, общественной роли и возможностей мифов К.А. Богдановым, А. Голаном, Р. Кайуа, Дж. Кэмпбеллом, А.Н. Кольевым, А.Ф. Лосевым, Ю.М. Медведевым, Л.В. Рязанцевой, К. Фладом, М. Элиаде и др. Возможности создания и закрепления установок, способных выстраивать под себя всё мировоззрение: индивидуальное и общественное, – исследовали И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, Дж. Овертон и проч.

Результаты. Природа мифов позволяет интегрировать воедино явные и неявные формы знания с мировоззренческими постулатами, опирающимися на базовые ценностно-смысловые комплексы. Когда привычные общественные, технические, а то и природные основы истончаются и перестают задавать «коридор свободы», у человека и общества возникает боязнь перемен. Слабые тянутся не к истине, а к комфортной для себя картине мира и интерпретации событий. Формы «бегства от свободы» часто дополнительно стимулируют слитные мыслительные блоки, упрощающие восприятие прошлого, настоящего и будущего посредством вписывания информационных элементов в приемлемую картину жизнеустройства и попыток отвергать неудобное (например, как недостоверное). Да и перенасыщение информацией также подталкивает к моделированию схем интерпретации окружающей действительности, позволяющему не брать на себя сложные вопросы познания и выбора, а комфортно употреблять предоставленные временем возможности. Избыток информации приводит к её инфляции, обостряет проблему ее отбора и интерпретации. В результате растёт объём «серого шума». Синтезм же и эклектичность мифического восприятия (в т. ч. в политической сфере) делают ненужной напряжённую рефлексию, позволяя «автоматизм»

интерпретаций и «достройку» недостающего. В то же время глобализация неизбежно порождает и усиливает потенциал регионализации, которая закрепляет специфичную систему социальных символов и мифов, определенных «культурных координат» каждого человека как человека социального [6; 12; 13; 15].

Тем самым, с одной стороны, половодье мифов объективно подталкивается как «текучей реальностью» новой эпохи, так и спрессованностью перемен. С другой стороны, миф дополнительно усиливает искус манипулятивного использования «обратной связи»: общество – человек, деградации мышления и «усыпления» критичности и рефлексивности сознания, выступая эффективным орудием обеспечения соскальзывания в желательном направлении (например, соответственно «окну Овертона», программам Шарпа и т. д.). При неорганичном же состоянии общества (например, вследствие культуртрегерских попыток элиты) использование привычных для других обществ процедур скрывает совсем иной смысл. Тогда резко увеличиваются и возможности регуляторного использования преобразованных и иррациональных форм для интеграции качественно различных секторов социальной жизни, и арсенал средств «перелива проблемности» (внутренней и внешней жизни). Таким образом использование мифа становится серьёзным орудием конкурентного давления. В свою очередь, эффективная защита национальных интересов в нестабильных условиях тем более акцентирует качество целеполагания, понимание интересов других субъектов, такт и гибкость во взаимодействии с ними. Упорство в отстаивании коренных национальных интересов связано с упрочением государственности и народного суверенитета. Создание адекватных эпохе смыслов – вопрос сохранения идентичности и национальной, и региональной (прежде всего, культурно-цивилизационных миров). Отношение к мифам становится важным ресурсом не только восприятия происходящего, но и развития ментальных матриц, жизнеспособности и формообразования ценностно-смысловых комплексов. Напротив, разрушение (в частности, за счёт конструирования и подмены мифов) базовых ценностно-смысловых комплексов превращает народ в строительный элемент другой / других цивилизаций. Мировоззренческая обработка событий решается и в рамках идеологических ресурсов геостратегической конкуренции, где миф – инструмент влияния. Средства массовой коммуникации не просто пассивно доносят с той или иной мерой эффективности образ – они активно продуцируют смыслы, вбрасывая их в разные группы населения. Соответственно, национальные интересы, воплощаемые в процессах коммуницирования, выше коммерции, а опасность превалирования частной

заинтересованности чиновников над принципиальными целями государственности и народного суверенитета требуют постоянного контроля [1; 2; 3; 8].

Вместе с тем переходный период сталкивает не только стратегии прошлого с будущим, но и варианты возможных перспектив. Естественно, опора на мифичность восприятия позволяет закреплять в общественном и индивидуальном сознании (а также бессознательном) определённые стереотипы и восприятия, и реакций на происходящее, закладывая алгоритмы выбора. Возможна ситуация, когда, сохраняя творческий потенциал и полагая, что действует по своей воле, объект воздействия воспроизводит заложенные извне схемы. Причём подсознание может привлечь самый нестандартный способ интерпретации и действий, о котором сознание даже не подозревает, – но «вытягивание» его требует иногда длительных практик трансформации психофизических систем. Так, может стать крайне практичным внедрение ментальных клише. При активном информационном и психофизическом воздействии и изменении социальной картины с внесением социального вируса возможным становится феномен «внешнего самоуправления», когда, думая, что якобы руководствуется исключительно собственными интересами, объект реализует чужую стратегию по встроеному в его миропредставление плану. То есть отчуждение достигается в основном не потерей своего содержания, а отравлением чужой «начинкой». Причём может быть целесообразным (во внешней управленческой стратегии) маскировать деятельность несамостоятельных уже объектов под стихийное преследование ими своих целей. Соответственно, изменение скрытой мотивации становится элементом методики внедрения идей. Собственные цели на бессознательном уровне подменяются внешними. Например, опора на ведущие системные символы и психоконплексы позволяет, минуя барьеры критичности, закрепить информацию в подсознании человека, соответствующим образом окрасив её. В свою очередь, это создает нужную установку, переотраивает под себя другие сведения и закрепляет нужную интерпретацию. Таким образом, формируется «информационный якорь» и «информационная установка» восприятия и реакции. В то же время создание и трансформация мифически-символьных конструкций сохраняет компенсаторную (относительно информации и недостаточных / отсутствующих институтов социальной рациональности) функцию и, соответственно, тесно связано с механизмами действия принципа превращённых (преобразованных) социально-информационных форм (в т. ч. для управления политическими процессами).

Впрочем, возбуждённые внешними эмоциями резервы организма (индивидуального и обще-

ственного) могут быть колоссальными. Введение человека в состояние измененной психики позволяет ему воспринимать иначе и больше взаимосвязей, чем в состоянии покоя. Эта комплексная обработка порождает социальные потоки «подконтрольных творцов»: фактически – «социальных зомби», но с возможностями творческой инициативы – в первую очередь, среди носителей признаков латентной склонности к определённому типу информационного и психофизического воздействия. Соответственно, подчиняясь доминантной установке, человек сам встраивает в свою жизнедеятельность необходимые фрагменты, домысливает то, что не получает, и интерпретирует происходящее. Значительное влияние осуществляется при опоре на ведущие символы и родовые архетипы, на коллективное восприятие действительности толпой. Люди обычно не видят того, чего не ждут увидеть. Так что могут быть заранее созданы и заложены ситуации («социальные и индивидуальные автоматы»), которые будут предусматривать стандартные решения и способные менять векторы желаний, их силу и направленность. Впрочем, несмотря на наличие общих моментов информационных воздействий различных эпох, требования к ресурсам, их использованию при подготовке и проведении информационных воздействий во время использования новых средств распространения информации (в основном устных, газетных, радио, телевизионных или через Интернет) трансформировались. Таким образом, поскольку любого потенциального противника (в т. ч. и в информационном противостоянии) лучше моделировать заранее, то эффективным может быть метод фантомных сущностей, мнимой социальности и превращённых форм. Особенно – при филигранной психологической игре и изящных расчетах поведения, необходимости рефлексии конкурентов и союзников. Поэтому крайне актуальным является вопрос комплексного развития инфраструктурных отраслей (включая использование возможностей Интернета) страны на уровне, адекватном требованиям постсовременной действительности, и развития постсовременных технологий работы с информационным пространством, в частности – информационными воздействиями на политические процессы.

Неустойчивость формирующихся тенденций усиливает мифичность мировосприятия, которая может способствовать вытеснению одних социально-политических мифов другими. Эти трансформации закрепляют смену парадигм [4; 7; 10; 11]. Виртуальная реальность должна помогать развитию реальности материальной, а не пребывать в антагонизме с ней, не обеспечивать манипулирование её восприятием. Собственно, обеспечение торжества идеальной реальности и зиждется на стержневой роли нравственности в общественной

(в частности, хозяйственной) жизни. С нарастанием как материально-технической базы общественного производства, так и духовных практик закономерно повышается и значение (а значит, и давление) социального наследия. Культура существует в накоплении смыслов и вещей, их концентрирующих (по известному примеру, пила включает функцию распиливания). Находящееся в ядре духовного производства воссоздание идеального фиксирует конкретно-историческое разнобразие социально-экономических процессов, проходящих, прежде всего, на уровнях материально-техническом (изменений потребительных стоимостей), социально-материальном (стоимостей) и социально-идеальном (форм стоимости).

Научные дискуссии вокруг регулятивных механизмов мифотворчества возвращают к вопросу о роли сакрального мифа в самоидентификации народа, в сохранении, освоении и использовании его базовых ценностей. Безусловно, сегодня контрпродуктивны попытки самоизоляции. Однако эффективность и укорененность любой успешной стратегии модернизации – в осторожном отношении к имеющемуся; создание устойчивой социальной перспективы обеспечивается и поддержкой «институционального баланса» развития и стабильности. Более того, гибкие технологии мягкой власти предусматривают для стимулирования желаемых поступков и повышения вероятности нужных событий опору на систему привлекательных образов и смыслов как для народа закрепленную столетиями опыта, так и для личности укорененную в пластах подсознания. Сакральная глубина социально-психологической мифологии зиждется на сложившейся вокруг ценностно-смысловых комплексов народной традиции. Таким образом, диапазон возможностей сакрального мифа в социальном управлении (в частности, манипулировании методами скрытого управления) на основе постсовременных практик даже расширяется, предоставляя и ценностные уровни инобытия политических доктрин. Иными словами, рост возможностей сакрального мифа в использовании преимуществ постмодерна и локализации его угроз демонстрирует роль ценностных ориентиров в деятельности культурно-цивилизационных миров; как известно, отношения глобальной конкуренции и сотрудничества охватывают также взаимодействие различных ценностных иерархий. То есть время формирует объективный заказ на повышение внимания к важнейшим артефактам прошлого цивилизации. Соответственно, умелая работа с мифом повышает вероятность использования мировых и региональных тенденций в своих целях, в том числе – для обеспечения конкретных форм реализации национальных интересов. Например, восприятие мира как события открывает возможность результативной работы с фор-

мами разрыва мнимого и действительного, сложных явлений социальной реальности, мнимой социальной стоимости, иррациональных и превращённых (преобразованных) механизмов. Когда информация, циркулирующая между системами, используется как инструмент социального управления, она несет определённое символическое и ценностное содержание, отражая культурные коды социального бытия и становясь детерминантой социальных трансформаций. Так, информационное воздействие – сложное междисциплинарное явление с такими аспектами: политологическим, социологическим, психологическим, технологическим и др., дающими основу для возникновения множества определений – соответственно, его различным аспектам, системам, подходам. Тем более это касается управленческой композиции информационного воздействия, которая выступает сложным явлением, где выделяются семантический, аксиологический, семиотический, коммуникативный, гносеологический, онтологический, казуальный, технико-технологический и другие аспекты. Причём актуализация мифически-символьных конструкций позволяет осуществлять информационное воздействие на различных уровнях личности, создавая разноуровневые управленческие композиции. Поэтому определенная расплывчатость границ между восприятием и воображением при подготовке и проведении информационных воздействий может быть использована целенаправленно. В частности, за счет управленческих композиций информационных воздействий может проводиться трансформация генетической памяти, усиливаться эмоциональная уязвимость населения и элиты, повышаться готовность к внешнему управлению (без малейших подозрений в манипулировании). Прежде всего, это базируется на моментах, не осознаваемых рационально: как известно, есть факторы, действующие на подсознательном уровне (в том числе и на подготовленные умы). А при смене парадигмы жизни на модели выживания усиливаются звериные инстинкты, управление переходит к худшим, которые побеждают благодаря гораздо большему арсеналу приемлемых для них действий. Так, путём применения мифически-символьных конструкций повышается вероятность успеха и при манипулятивной подаче информации, способно в определённой ситуации привести к трансформации черт всего общества или его значимых частей. Отсюда – дополнительные требования к вычленению из «информационного шума» сообщений, существенных для анализа и принятия решений.

В борьбе перспектив и орбит дальнейшего развития событий существенной становится субъектность перемен: кто и в чьих интересах их осуществляет. Соответственно, какие из мифов становятся доминантными, государственно одобряемыми,

какие – подавленными. Уходящие с авансцены истории классы и группы часто видели в своем поражении исчезновение государств. И все же в балансе геостратегических сдержек и противовесов государственные образования в определенном смысле опять возрождались. Но вот в какой степени государственные новообразования стали реинкарнацией великого прошлого, рефлексией возможностей, и какие исторические шансы были упущены безвозвратно и навсегда? Особенное значение для строго доказательного выявления этого имеет анализ столь качественно акцентированного феномена, как ценностно-смысловые комплексы. При этом смысловые иерархии, заложенные в предметах духовной и материальной культуры, фиксируются и в языковой системе, и в конфигурациях мифов и иллюзий. Соответственно, общекультурные признаки становятся важнее генетических особенностей. Впрочем, по общему правилу, новый вид создается на границе популяции – там, где нужно бороться за выживание, конкурировать и меняться. Вместе с тем, с одной стороны, бессмысленно строить будущее на песке: нельзя создать альтернативную идентичность вокруг ценностно-смысловых комплексов исторических неудачников, эгоистов или предателей. С другой стороны, под навязчивой маской политкорректности и при распространении идеалов серости стираются важнейшие черты и отличия культурно-исторического мира. Напротив, обеспечение общественного подъема предполагает создание условий для консолидации народа вокруг его базовых ценностно-смысловых комплексов, возрождения социальной памяти, выхода на историческую арену его по-настоящему лучших представителей, способных применить логику истории к пользе народа.

Между тем характер формирующейся эпохи делает важнейшим фактором международной и внутренней жизни осознанную активность. Опять-таки, без обеспечения научного уровня методологического обеспечения, развития умения думать, вкуса к строгим формулировкам и точному рассуждению соучастие в управлении бессмысленно и аморально. С другой стороны, инверсионность проведения перемен требует как вовлечения широких масс трудящихся в процессы осуществления управления и контроля, так и использования механизмов государства и самоуправления в оптимизации безопасности и развития общества. Что, в свою очередь, заостряет задачи обеспечения подготовленности широких слоев трудящихся к этому, в частности – качества образования и самообразования. Речь, безусловно, отнюдь не о тренингах и натаскивании либо информированности и эрудиции, даже не только о профессиональном мастерстве – о качестве методологических знаний, навыков и умений. Усили-

вается противоречие между манипулируемостью и сознательным выбором, лёгкостью в управляемости и качеством мышления. Часто в перекрестье проблем – духовное (идеальное, идеологическое) производство / творчество. С одной стороны, оперирование информационными потоками совершенно не равнозначно высокому уровню сознания. Более того, до определённой степени мифичность восприятия обеспечивает простоту работы с информацией. Так что внешним образом «общество знания» вроде бы вполне может управляться всё ширящимся набором технологий и приёмов (в частности, «гибкой власти», «мягкой силы» и т.д.); «многознание уму не научает». С другой стороны, качество восприятия, обработки и осуществления выбора требует критичности оценок и рефлексивности сознания, а выработка привычки к ответственному, строгому мышлению нелокализуема, неизбирательна и заведомо диффузирует. Между тем в условиях межпарадигмальной переходности порой конфликтность вокруг противоречия между общественной необходимостью максимальных просоциальных раскрытий и развития дарований каждого (в первую очередь, умственных и духовных) и тягой власти к подконтрольности происходящего продуцируется в обострение злокачественных апологетики или же критицизма, когда «нигде отношения не оказываются столь далеки от идеальных, как в идеальном производстве». При этом рост значимости образования, науки и культуры среди ценностных иерархий влечет за собой ускорение общественного развития, а подъём общества, в свою очередь, приводит к повышению как теоретической, так и практической ценности образования, формированию и развитию культуры мышления.

При этом необходимость и нормативность комплексной гуманизации и радикальной демократизации условий жизнедеятельности включают время как работы, так и досуга, и зиждятся на преобразовании системосоздающих и часто определяющих отношений труда, собственности и управления. При подготовке и осуществлении трансформаций парадигмального масштаба важно помнить: бессмысленно пытаться выстраивать стратегии на противостоянии внутренней логике событий. Жизнь все равно будет течь в свойственном ей направлении. Нужно не мешать ей, а убирать преграды на ее пути – и готовить выгодные русла событий. Другими словами, стимулирование желаемых трансформаций (в поведении, отношениях, процессах), а не попытки «вести намеренно и неумеренно» путём директивного управления (требования действовать так, как определено) становится наиболее эффективным направлением управленческого влияния. Разграничение методологии утопической и поэлементарной социальной технологии открывает перспективы определения

реальных пределов возможностей административных, экономических и социальных решений в общественном организме. Но именно выявление пределов и является гарантией способности в их рамках достигать позитивных эффектов – сохранения нормативного качества или направленного наращивания желательных свойств и состояний. Безусловно, техники таких изменений существовали и совершенствовались достаточно долго, однако именно сейчас они органически базируются на особенностях настоящего и имеют дополнительную высокую социальную эффективность. Они учитывают сущностные силы человека (в первую очередь – интересы и мотивы), при необходимости их трансформируя. К тому же, чуждые (враждебные) ресурсы при этом не ликвидируются, а превращаются в собственные, полезные. То есть варианты социального действия на основе этой методологии заведомо более продуктивны.

Соответственно, мастерство сценарного планирования в создании управленческих композиций должно обеспечить и оптимизацию использования имеющейся ресурсной базы, и подстраховку (замещение) недоброкачественных, а также выходящих из строя элементов. Поэтому гибкость, пластичность – необходимость обеспечения миссии в высокоизменчивых условиях социальной эклектики. При создании стратегий информационных воздействий, в частности, важно понимать, что трансформация мнений может строиться по принципу сконцентрированных или рассеянных, эволюционных либо революционных изменений, системных или фрагментарных, целенаправленных или хаотично-случайных, долговременных или краткосрочных, содержательных или формальных, доверительных или манипулятивных. Использование разнонаправленных сил и возможностей может предусматривать ориентацию на гибкое сочетание ресурсов социальной действительности и механизмов мягкой и жёсткой власти в рамках «smart power» (разумной власти) с использованием диапазона воздействий, прямо не направленных исключительно на борьбу за голоса. В этой ситуации для успешного проведения своей очередной модернизации и эффективного использования социального творчества как ее важнейшего фактора регион должен не просто «обязывать», «покупать», а и увлекать, заинтересовывать, внушать. Соответственно, для организации форм информационной активности необходимо определиться с её направленностью, каналами, объектами и субъектами. В этой ситуации для успеха избирательных кампаний каждый раз требуется новый проект; люди, готовые к участию в нем; соответствующая организационная структура. Необходимость перехода от привычного ранее администрирования к инновационно-синергетическому управлению ведет при

этом к замене и дополнению «жёстких» социальных технологий «мягкими», применение которых предполагает и признание субъективности, неполноты и ограниченности представлений каждого. При этом даже ситуативное влияние, основанное на реакции на общественные события, которые нельзя было предусмотреть, в своем существе может опираться на кропотливо подготовленные социальные модели информационного воздействия.

Выводы. Природа мифического освоения действительности упрощает интерпретацию информации и подчиняет общей мировоззренческой доминанте воспринимаемое. Тем самым одновременно иллюзии и мифы становятся весомым орудием обратного воздействия общества на человека. Естественно, опора на мифичность восприятия позволяет закреплять в общественном и индивидуальном сознании (а также бессознательном) определённые стереотипы и восприятия, реакции на происходящее, закладывая алгоритмы выбора. Вместе с тем переходный межпарадигмальный период сталкивает не только стратегии прошлого с будущим, но и варианты возможных перспектив. В борьбе перспектив и орбит дальнейшего развития событий существенной становится субъектность перемен: кто и в чьих интересах их осуществляет. Соответственно, какие-то из мифов становятся доминантными, государственно одобряемыми, какие – подавленными. Между тем характер формирующейся эпохи делает важнейшим фактором международной и внутренней жизни осознанную активность. Опять-таки, без обеспечения научного уровня методологического обеспечения, развития умения думать, вкуса к строгим формулировкам и точному рассуждению соучастие в управлении бессмысленно и аморально. С другой стороны, инверсионность проведения перемен требует как вовлечения широких масс трудящихся в процессы осуществления управления и контроля, так и использования механизмов государства и самоуправления в оптимизации безопасности и развития общества. Что, в свою очередь, заостряет задачи обеспечения подготовленности широких слоёв трудящихся к этому, в частности – качества образования и самообразования. Речь, безусловно, отнюдь не о тренингах и натаскивании либо информированности и эрудиции, даже не только о профессиональном мастерстве – о качестве методологических знаний, навыков и умений. Усиливается противоречие между манипулируемостью и сознательным выбором, лёгкостью в управляемости и качеством мышления. Резкое расширение поля рисков и возможностей с парадигмальными трансформациями увеличивает требования как к менеджерам, так и к народному контролю за ними. Максимизация просоциальной творческой активности включает отнюдь не только сферы

трудова діяльність, але й організаційно-управлінське напрямлення. «Нещасливий той чоловік або народ, якого приходять божественні застави сплячим або неготовим, бо не був зажа́нений світильник для зустрічі і вуха були глухі до зову його. Але тричі горе тому, хто і готов, і сильний, але впустою витратить силу і марно витратить час; їх доля – невиповнювана втрата або крах» (Шри Ауробіндо «Час Бога»)

Оптимізація дальніших наукових досліджень в цій сфері передбачає, на наше мніння, пріоритетне вивчення можливостей і ризиків інформаційних потоків на переході до нової епохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисова Ю.В. Миф как инструмент PR. Ульяновск. URL: https://www.sgu.ru/sites/.../files/.../borisova_yu.v._ulyanovsk_mif_kak_instrument_pr_1.doc.
2. Шедяков В.Е. Активизация социально-экономических ресурсов обеспечения общественного согласия в решении стратегических созидательных задач. *Інституціалізація як фактор забезпечення розвитку системи інвестиційно-інноваційної безпеки України* / заг. ред. О.Л. Гальцової. Запоріжжя : Гельветика, 2019. С. 242–261.
3. Шедяков В.Е. Выбор стратегии использования социальных коммуникаций: cui prodest. *Strategic Management: Global Trends and National Peculiarities* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnikov. Kielce : Baltija Publishing, 2019. P. 254–266.
4. Шедяков В.Е. Исторические динамики мифодизайна общества в стратегии футуродиагностики: подготовка и реализация программирования будущего, управления настоящим. *Politicus*. 2017. Вып. 1. С. 150–155.
5. Шедяков В.Е. Міфічно-символьні конструкції в здійсненні інформаційних впливів на основі ресурсної бази м'якої влади. *Гілея*. 2013. № 72(5). С. 781–787.
6. Шедяков В.Е. Мифологизация действительности как средство несилового давления. *Роль суспільних наук у забезпеченні стабільності розвитку глобальних світових процесів у XXI столітті*: Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 6-7 квітня 2018. С. 35–39.
7. Шедяков В.Е. Переходность как характеристика состояния постсоветского пространства. *Economy and Society: a Modern Vectors of Development*: Proceed. of II Intern. Scient. Conf. Leipzig, 2018. Part II. P. 92–94.
8. Шедяков В.Е. Социальный уровень информационного влияния: стратегическая культура и управленческие композиции. *Social sciences: development prospects in countries of Europe at the beginning of the third millennium*. Stalowa Wola, Riga: Baltija Publishing, 2018. С. 157–174.
9. Шедяков В.Е. Специфика формирования и использования мифа в системе социальной регуляции. *Публичное управление: теория и практика*. Спецвыпуск. 2013. С. 263–272.
10. Шедяков В.Е. Формирование умного общества и расширение оснований контрманипулятивных

практик. *Час вибору: виклики інформаційної епохи* / заг. ред. О.А. Івакіна, Д.В. Яковлева. Одеса : Гельветика, 2016. С. 196–216.

11. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine* / Maria Curie-Sklodowska University. Lublin : Baltija Publishing, 2017. P. 282–307.
12. Blackwill R.D., Harris J.M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 384 p.
13. Ellsberg D. The Domsday Machine: Confessions of a Nuclear War Planner. NY. : Bloomsbury, 2017. 432 p.
14. Kurtz D.V. Political Anthropology: Power And Paradigms. Routledge, 2019. 259 p.
15. Luttwak E.N. Strategy. The Logic of War and Peace. Cambridge : Harvard University Press. 283 p.
16. Vincent J. (ed.). The Anthropology of Politics: A Reader in Ethnography, Theory, and Critique. Wiley-Blackwell 2002. 488 p.

REFERENCES:

1. Borisova, U.V. Mif kak instrument PR [The myth as an instrument of PR]. Ulyanovsk. URL: https://www.sgu.ru/sites/.../files/.../borisova_yu.v._ulyanovsk_mif_kak_instrument_pr_1.doc. [in Russian].
2. Shedyakov, V.E. (2019). Aktivizacija social'no-jekonomicheskikh resursov obespechenija obshhestvennogo soglasiya v reshenii strategicheskikh sozidatel'nyh zadach [Activization of socio-economic resources for ensuring social harmony in solving strategic creative tasks]. [in Russian]. *Insty'tuczializaciya yak faktor zabezpechennya rozvytku systemy investy cijnno-innovacijnoyi bezpeky Ukrainy* / zag. red. O.L. Gal'czovoyi. Zaporizhzhya: Gel'vetyka, pp. 242–261.
3. Shedyakov, V.E. (2019). Vybhor strategii ispol'zovanija social'nyh kommunikacii [Choosing a strategy for using social communications] [in Russian]: cui prodest. *Strategic Management: Global Trends and National Peculiarities* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnikov. Kielce: Baltija Publishing, pp. 254–266.
4. Shedyakov, V.E. (2017). Istoricheskie dinamiki mifodizajna obshhestva v strategii futurodiagnostiki: podgotovka i realizacija programmirovaniya budushchego, upravleniya nastojashchim [Historical dynamics of the myth-design of society in futurodiagnostics strategy: preparation and implementation of future programming, management of the present] [in Russian]. *Politicus*, vyp. 1, pp. 150–155.
5. Shedyakov, V.E. (2013). Mifichno-symvol'ni konstrukciyi v zdijsnenii informacijnyh vplyviv na osnovi resursnoyi bazy m'yakoyi vlady [Mythical and symbolic constructions in the exercise of information influences on the basis of the soft power resource base]. *Gileya*, no. 72 (5), pp. 781–787. [in Ukrainian].
6. Shedyakov, V.E. (2018). Mifologizacija dejstvitel'nosti kak sredstvo nesilovogo davenija [Mythologization of reality as a means of non-force pressure] [in Russian]. *Rol' suspil'nyh nauk u zabezpechenni stabil'nosti rozvytku global'nyh svitovyh procesiv u XXI stolitti*: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Kyiv, 6-7 kvitnya, pp. 35–39.

7. Shedyakov, V.E. (2018). Perehodnost' kak harakteristika sostoyaniya postsovetskogo prostranstva [Transition as a characteristic of the post-Soviet space] [in Russian]. *Economy and Society: a Modern Vectors of Development*: Proceed. of II Intern. Scient. Conf. Leipzig, part II, pp. 92–94.

8. Shedyakov, V.E. (2018). Social'nyj uroven' informacionnogo vlijanija: strategicheskaja kul'tura i upravlencheskie kompozicii [Social level of informational influence: strategic culture and managerial compositions] [in Russian]. *Social sciences: development prospects in countries of Europe at the beginning of the third millennium*. Stalowa Wola, Riga: Baltija Publishing, pp. 157–174.

9. Shedyakov, V.E. (2013). Specyfika formirovaniya i ispol'zovaniya mifa v sisteme social'noj reguljacii [The specifics of the formation and using of myth in the system of social regulation] [in Russian]. *Publichnoe upravlenie: teorija i praktika*. Specvypusk, pp. 263–272.

10. Shedyakov, V.E. (2016). Formirovanie umnogo obshhestva i rasshirenie osnovanij kontrmanipuljativnyh praktik [The formation of a smart society and the expansion of the foundations of counter-manipulative practices] [in Russian]. *Chas vyboru: vyklyky informacijnoy*

epohy / zag. red. O.A. Ivakina, D.V. Yakovleva. Odesa: Gel'vetyka, pp. 196–216.

11. Shedyakov, V.E. (2017). Osushchestvlenie paradigmat'nykh transformatsiy: srezonirovanie strategii, taktiki i operativnogo iskusstva v upravlencheskikh kompozitsiyakh [Realization of paradigmatic transformations: co-resonating strategy, tactics and operational art in managerial compositions] [in Russian]. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine* / Maria Curie-Skłodowska University. Lublin: Baltija Publishing, pp. 282–307.

12. Blackwill, R.D., Harris, J.M. (2016). *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Cambridge: Harvard University Press, 384 p.

13. Ellsberg, D. (2017). *The Doomsday Machine: Confessions of a Nuclear War Planner*. NY.: Bloomsbury, 432 p.

14. Kurtz, D.V. (2019). *Political Anthropology: Power And Paradigms*. Routledge, 259 p.

15. Luttwak, E.N. *Strategy. The Logic of War and Peace*. Cambridge: Harvard University Press. 283 p.

16. Vincent, J. (Ed.) (2002). *The Anthropology of Politics: A Reader in Ethnography, Theory, and Critique*. Wiley-Blackwell. 488 p.

Myths of interparadigm transition

Shediakov Volodymyr Yevhenovych

Dr. Sc. (Sociology), free-lance (Kyiv)

The relevance of the topic of the article is determined both by the beneficial features of the transitional period of social development for the spread of myths, and by the significant significance of myths (in particular, political ones) to determine the subsequent trajectory of the country's life. The subject of the study is the nature, characteristics and possibilities of the influence of myth on the transitional state of society. The purpose of the article is to identify and characterize the features of myth inherent in the transitional state of society in relation to the differences of our time and the possibilities of optimizing the organizational and managerial arsenal. The methodology of the work is based on the general theory of social development in relation to the study of transitional eras, as well as the study of the characteristics of myth as the basis of regulatory influences. The research information base is constituted by normative acts, domestic and foreign publications, studies on the development of both self-organization and the tools of conscious influence on socio-political processes. Results of the work - the analysis of approaches and possibilities / limitations of the use of myth tools to influence socio-political processes. Ways to increase its productivity are proposed. So, a myth is a means of forming a relationship, therefore it acts as a factor in both the perception of the environment and external influences: on a person, group / layer, society. At the same time, the transitional inter-paradigm period confronts not only the strategies of the past with the future, but also options for possible prospects. Now the flood of myths is objectively increasing both because of the "fluid reality" of the new era, and because of the tightness of the time for rapid changes. In the struggle of prospects and orbits for the further development of events, the subjectivity of changes becomes significant: who and in whose interests carries them out. Accordingly, which of the myths become dominant, state approved, which are suppressed. Meanwhile, the nature of the emerging era makes conscious activity the most important factor in international and domestic life. So, the contradiction between manipulability and conscious choice, ease of controllability and quality of thinking is intensifying. A sharp expansion of the field of risks and opportunities with paradigmatic transformations increases the requirements for both managers and national control over them. Maximization of prosocial creative activity includes not only spheres. The results of the work allow the use of article material both in the educational process and in practice.

Key words: society, transformation, development, social paradigm, period of transition, myth, management, informational impact.